

Школа в ауре театра

«Эники-беники» — до чего же искрометный спектакль! Дети играют для детей. Да, конечно, музыка Эндрю Вебера, исползованы стихи Бориса Заходера, мудрость бессмертной сказки про волка и семерых козлят... Но главное — дети для детей. Играют раскованно и непринужденно. И петух поет самым что ни на есть петушиным пением; и волк — само очарование; и обаятельная — еще был — коза... А уж реакция зала!

Как же удалось создать такой театр? К этому стремились или ставили перед собой иную цель, а вышло по-другому, но все равно удачно? Об этом и беседуем во Дворце творчества на Миус-сах мы с художественным руководителем класс-центра музыкально-драматического искусства **Сергеем Казарновским**.

— Давно ли существует класс-центр?

— Как законченная структура — четыре года. А начали всю эту историю в 81-м. Менялась структура, менялись формы, объемом занятий и работы — вот тихоньку концепция и выстроилась. Впрочем, то, что называется сегодня класс-центром, выражаясь словами классика, возникло не вдали от столбовой дорожки истории.

— У класс-центра есть программа?

ним спектаклем. Конкретных ролей не было, тем более характерных. Самое главное: в спектакле была идея, боль, и этого было достаточно. Театральные формы не так были важны, это пришло потом.

— Но все-таки пришло. И как, много ли ваших учеников избрали театр профессией?

— Тогда я еще не знал, что все окажется так серьезно. Мы не ставим целью воспитывать актеров. К тому же убежден, что это не профессия для зара-

рые мыслят (или пытаются мыслить) иначе, нежели мы.

Когда был в США — делал там спектакль с детьми, — много диковинного повидал. Для нас диковинного. Вот, скажем, у них вечер, который мы называли бы вечером художественной самодеятельности. Каждому желающему выдается лист — надо написать, каким по счету он хотел бы выступить и с чем. Выступления самого разного уровня. Выходит мальчик, берет скрипку. Скрипка — такой инструмент, на котором или играть хорошо, или не играть вообще. Иначе у зрителя никакого чувства, кроме раздражения, не возникнет. Начал он играть, и я сразу понял, что играть он не умеет. Но в зале полная тишина. Все слушают. Вижу лица наших детей — сдерживают улыбки. Но все слушают. А когда выступление закончилось — овация. Не знаю, зная ли такую Паганини?..

— Вы часто выезжаете?

— Это часть нашей программы, нашей системы. Дети были в музеях — Амстердама, Парижа, Вашингтона... Поездили по краям, которые теперь называют ближним зарубежьем: Прибалтика, Закавказье... Разумеется, по России. Знакомство — близкое, зримое — с другой историей, другим искусством, другой религией, другими нравами — все это важный элемент воспитания.

— Если не возражаете, вернемся к вашим постановкам. Вы работаете с детьми, а дети быстро растут...

— Поэтому у наших спектаклей непростая судьба. Все делается долго, очень долго — ведь важен сам процесс. Таким был спектакль «Ромео и Джульетта»: он рос с одними детьми, перешел на других, а вышел с третьими. Однако уверен, что все, кто участвовал в процессе его создания, получили очень много. Великая литература, великие проблемы, великая работа.

Произошел поворот от несколько несерьезного отношения к по существу профессиональному. Чтоб оркестр — так оркестр, танец — так танец и чтоб декорации и большая сцена... Сыграли и были приглашены на очень престижный фестиваль в Лефортове. И даже получили приз зрительских симпатий.

Теперь приходит довольно много авторов, предлагают свои произведения. А когда не существовало театра, где играют дети? Кто бы для них писал?

Мы же не просто реально существуем сами по себе. По нашей инициативе создана Российская ассоциация театров, где играют дети.

Мы пытаемся строить школу. Нас уже признали и утвердили как государственную школу. Выделили старое школьное здание близ метро «Войковская». Мы сделали форт-проб будущего детского центра, в котором школа — составная часть...

— Вы, похоже, оптимист и так верите в успех своего дела... А ваши собственные дети — на них распространяется все то, о чем вы говорите?

— Сын Максим (он учится в университете) играет Ромео. Дочь Маша играет в «Эниках-бениках».

— Удачи вам и им!

— Спасибо. Постараемся...

Елена БАТЫРЕВА,
студентка факультета журналистики НГУ.

— Она сложилась, во всяком случае стала отчетливо видна последние 5—6 лет. А в процессе становления мы, случалось, открывали для себя, что просто дублируем то, что делают в простой школе, только на другом уровне.

Мне трудно ответить на ваш вопрос четкой и стройной формулировкой, но попытаюсь объяснить.

Когда-то, работая инженером, я для себя разделил людей на тех, которые уносят с работы, и тех, которые приносят в работу. Разумеется, первых было больше. Мы же часть генерации, которая выросла без чувства собственного достоинства. (Было бы иначе — разве мы позволили бы себе довести страну до такого состояния?) Ничего не изменится, пока не появятся люди, чувствующие, что, например, дарить приятнее, чем получать подарки. То есть с другим мышлением... Над этим и работаем в своей школе, которую я считаю в некоторой степени авторской: придумать, выстрадать, добиться. Для этого не обязательно всем выбирать театр, но мы — театр.

— И с чего начали? Я имею в виду: каков был первый спектакль?

— Он назывался «Урок истории» — мы работали со старшеклассниками. В какой-то момент почувствовал, что с ними никто серьезно не говорил о происходящем вокруг, о происходившем. О чем был «Урок истории»? Например, о том, что нередко большинство — реакционно настроенные люди. Большинство голосов распылял Христа. Сожгли Джордано Бруно... А вот большевиков не было большинство, несмотря на название... Для того времени это было достаточно необычно и свежо. Может быть, даже немного опасно. Но неожиданно для себя наши ребята стали лауреатами Московского фестиваля театров, в которых играют дети. «Урок истории» был плакат-

батывания средств на жизнь, это форма, способ существования.

Впрочем, несколько человек учатся сейчас (иные уже заканчивают) — в Щукинском училище, в школе-студии МХАТ, в ГИТИСе. Но повторю: готовить ребят к поступлению в театральные вузы — не самоцель.

— В каком возрасте поступают к вам в класс-центр?

— С трех лет! Мы спустились до самых маленьких... Сейчас у нас больше четырехсот детей: от трех до семнадцати, а есть и постарше.

До шести отбора не происходит — это просто невозможно. А потом отбираем детей. Среди них есть такие, которые учатся здесь как в школе, а есть и такие, которые приходят к нам после занятий в другой школе.

Я все время подчеркиваю, что мы работаем с обычными детьми, но в элитарной школе — пусть это слово не пугает. Элитарность проявляется в том, что у нас остаются дети, о которых думают родители. Иными словами, отбираются родители, думающие о своих детях, знающие своих детей. Короче, элитарность не в обыденном, низком смысле.

Театр, актерство учат слышать, слушать, говорить, убеждать, добиваться своей цели, находить выход из сложных ситуаций, не дергая пистолет из кобуры. Подобные предметы существуют в школах многих стран. У нас в класс-центре есть даже специальные упражнения.

— Можете это проиллюстрировать?

— Ну вот сидят в кругу маленькие дети. Выбираю двоих. Они начинают разговаривать — неважно о чем. Допустим, первый начинает нести даже какую-нибудь чушь — про то, что он встретил зеленую собаку с лисьей мордой. Второй включается в разговор, но не скажет: «Дурак! Такого не бывает». Он проявит интерес и разовьет тему. А ведь это важно! Мы ведь так часто обижаем людей, кото-